

«УТВЕРЖДАЮ»

Генеральный директор ФГБУК
Государственный музей искусства народов
Востока
Доктор исторических наук

А.В. СЕДОВ

сентябрь 2020 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

о диссертации **КОНОНЕНКО Евгения Ивановича** на тему:

**«Архитектура "большой османской мечети": истоки, формирование,
эволюция».**

представленной на соискание ученой степени доктора искусствоведения
по специальности 17.00.04 — Изобразительное и декоративно-прикладное
искусство и архитектура

Актуальность представленного исследования определяется прежде всего аргументированным решением ранее поставленного (в частности, в работах М. Чарлза и Г. Крейна) вопроса о правомерности выделения в османском культовом зодчестве особого архитектурного типа, объединяющего мечети, возведенные под прямым патронатом монарха и обладающие рядом схожих характеристик (этот тип обозначен в работе как «большая османская мечеть»). В отличие от

целого ряда предшественников, ограничивавшихся указанием на очевидное внешнее сходство стамбульских мечетей с храмом Св. Софии и объяснявших это сходство прямым византийским влиянием, Е.И. Кононенко рассматривает появление этого архитектурного типа как результат последовательной эволюции мусульманского культового зодчества на территории Анатолии, а в качестве основного фактора, обусловившего отличительные особенности подобных памятников, выделяет задачи декларации легитимности и преемственности власти, демонстрации уважения к традиции и ценностям ислама, пропаганды государственной идеологии («политическая риторика»). Особую актуальность работе придает рассмотрение трансформации выделенного архитектурного типа в XX веке, приспособление его к государственному заказу в области современной исламской культовой архитектуры и распространение – как по политическим, так и по экономическим причинам, – на территории, не входившие в состав Османской империи (в т.ч. регионы Российской Федерации).

В отличие от подходов немногочисленных предшественников, в основу выделения «большой османской мечети» как типа положены не региональный принцип («турецкая мечеть», противопоставляемая «арабской» и «иранской»), местонахождение (стамбульские памятники), формальные обстоятельства заказа (личный патронат султана), а именно архитектурный образ, складывавшийся в результате единства планировочно-композиционных решений и ставший объектом постоянного воспроизведения.

Принципиально новым подходом является комплексное рассмотрение формирования и эволюции конкретного архитектурного типа на фоне всей истории мусульманской архитектуры Анатолии без противопоставления Сельджукского и Османского периодов, а также включение в исследование материала культовой архитектуры Турецкой Республики до памятников начала XXI в. В результате автору удастся продемонстрировать закрепление образа «большой османской мечети» на уровне национального визуального бренда и его интернациональное распространение в рамках «дипломатии архитектуры».

Оригинальным для изучения исламской архитектуры является акцентирование факторов ретроспективной и проспективной политической риторики и рассмотрения функционирования памятников культовой архитектуры как инструментов пропаганды государственной идеологии. Эти построения и выводы автора чрезвычайно важны не только в чисто историческом плане, но весьма актуальны (достаточно вспомнить недавнее «второе обращение» Св. Софии в мечеть).

Выделение архитектурных моделей «раннеосманской улу-джами» и «большой османской мечети» позволяет автору как реконструировать строительную программу отдельных памятников (Улу-джами Аксарая, стамбульские мечети Шехзаде и Сулеймание, каирская мечеть Малика Сафийя и др.), так и определить принципы градостроительной программы крупных центров (выделение единой оси основных мусульманских памятников Эдирне и «замещение византийских святынь» в османском Константинополе).

Представленная диссертация является первым за несколько десятилетий комплексным исследованием османской культовой архитектуры в отечественной историографии.

В научный оборот вводятся малоизвестные провинциальные памятники, поставленные в контекст развития рассматриваемого типа «большой османской мечети».

Предпринятое в диссертации выделение типа «большой османской мечети», четко отделяемого автором от гораздо более широкого понятия «мечеть турецкого типа» и лишь частично совпадающего с ранее описанными «султанскими мечетями», оказывается методическим инструментом для реконструкции творческого замысла создателей отдельных памятников и в целом градостроительных программ османских центров.

Выделение политической риторики как фактора, определяющего развитие мусульманской культовой архитектуры, аргументированное османским материалом, может быть расширено за счет привлечения к дальнейшему исследованию памятников других крупных регионов исламского мира.

Рассмотрение выделенного типа оказывается для автора поводом для создания широкой картины эволюции османской культовой архитектуры (во всяком случае, в ее столичном варианте).

Определение автором важности фактора политической риторики в процессе формирования и эволюции архитектурного типа «большой османской мечети» получает новое звучание при обращении к материалу современной мусульманской культовой архитектуры.

Соглашаясь с автором диссертации в определении важности фактора политической риторики в процессе формирования и эволюции архитектурного типа «большой османской мечети», хотелось бы вместе с тем сделать одно замечание. Е.И.Кононенко, вслед за некоторыми турецкими исследователями, пишет, что появление нового типа «большой османской мечети» во второй половине XV и ее развитие в XVI в. в значительной степени были вдохновлены риторикой агонизма (с.40-41). Споры нет, действительно обращение церкви в мечети имело очень важное основание в сунне, но в том-то и дело, что османская политическая теория черпала идеи далеко не только из нее, и «замещение святынь» в османской политической практике умело сочеталось с их присвоением, использованием или адаптацией. В истории строительства многонационального и поликонфессионального Османского государства было две основных идеи, которые и стали на первых порах ее основой. Это идея священной войны и идея византийской преемственности. Идея *джихада* или *газы* была одной из важных составляющих идеологии османских завоеваний (между прочим, в первые столетия османской экспансии принципы *джихада* играли главную роль в первую очередь для идеологического обоснования войны против мусульман, а не неверных). Однако несмотря на то, что османская политическая доктрина была по преимуществу исламской, она всегда имела универсалистский оттенок. По словам Энтони Блэка, «османская идеология колебалась между концепцией султана как императора, повелевающего разными

народами и верами, и представлением о нем как о халифе мусульман»¹. Особенно сильно этот вселенский универсалистский статус султана проявился после захвата Мехмедом II Константинополя. Османские падишахи превратились в законных преемников и наследников римских императоров. Это отразилось в титулатуре: с XVI в. титул *кайсер-и Рум*, т.е. «(восточно)римский император», начинается применяться к османским правителям². Безусловно это отражало османские грезы о вторичном объединении Римской империи, включавшей и папский Рим, в турецких руках. На одной из гравюр, изображавших Сулеймана Кануни, он увенчан головным убором, прообразом которого является папская тиара.

Эти устремления получали отклик и в христианской среде, причем не только среди православных, которые оказались османскими подданными (как например, возведенный на патриарший престол Мехмедом II в январе 1454 г. Геннадий Схоларий), но и среди византийцев-эмигрантов, живших в Италии. Возможно, что философской основой такого отношения к исламу стал аристотелизм. Как бы то ни было, мы видим, что идея всемирной османской власти стала в XVI в. весьма популярной и на Западе и на Востоке. Георгий Трапезундский (1395-1472) написал в 1466 г. Мехмеду II письмо, в котором называл его «лучшим из императоров ромеев, который владеет тронном благодаря своей добродетели и дарованной ему Богом победе», а также «посланником Бога пред людьми», которому даровано Богом собрать всех людей в мире под одну власть³.

Может показаться, что эти рассуждения не имеют прямого отношения к теме работы. Однако, нам кажется, что знание османской политической теории, отраженной в политической риторике государственных текстов, султанской титулатуры, архитектуры и связанной с ней эпиграфики могло бы украсить построения и выводы автора диссертации. Так, сравнение сельджукского опыта с

1 *Black Antony. The History of Islamic Political Thought. From the Prophet to the Present. Second Edition. Edinburgh, 2011. С.272.*

2 *Абрахамович З. Османский султан как восточноримский император (кайсер-и Рум) // Turcica et Ottomanica. Сборник статей в честь 70-летия М.С.Мейера. М., 2006. С.104.*

3 *Лобовикова К.И. Две попытки объяснить Мехмеду Завоевателю догматы христианства // Turcica et Ottomanica. Сборник статей в честь 70-летия М.С.Мейера. М., 2006. С.259.*

османским может показать, что выбор разных типологических архитектурных образцов и иконографических ориентиров для сельджуков и османов объясняется именно разными политическими программами династий.

Автор диссертации, к сожалению, не использовал несколько важных работ турецких коллег, которые обогатили бы его представления о периодизации истории османской архитектуры, ее региональных особенностях и «провинциальных памятниках» (например: *Konuk N. Yunanistan'da Osmanlı Mimarisi. Ottoman Architecture in Greece. Η Οθωμανική Αρχιτεκτονική στην Ελλάδα.* Ankara: SAM, 2010; *Dündar A. Osmanlı Devleti'nde Mimarlık ve Mimarlar, Yayınevi Yayınları, Ankara 2011*).

В работе несколько раз упоминаются придворные архитекторы (*mimar-i hassa*) и роль этого института в сложении стиля большой мечети (см., например, с. 205 и др.), однако о самом этом институте и его устройстве не сказано ничего. Думается, что знание об организации обучения, заказов, производства работ и т.д. в этом османском дворцовом ведомстве много дает для понимания эволюции в том числе и стиля «большой османской мечети» (*Turan Ş. Osmanlı Teşkilâtında Hassa Mimarları // Tarih Araştırmaları Dergisi, I/1, Ankara 1963*).

Автореферат соответствует основным положениям диссертации и дает достаточное представление о полном тексте работы; его структура и оформление отвечают требованиям ГОСТ Р 7.0.11–2011.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в ранее изданной научной монографии «Анатолийская мечеть XI–XV вв. Очерки истории архитектуры», публикациях автора в рецензируемых научных изданиях (из них около 25 статей – в журналах, входящих в списки ВАК, Scopus и Web of Science), в сборниках материалов международных научных форумов и конференций по искусствоведению, истории архитектуры, археологии, исламоведению. В рукописи диссертации содержатся необходимые ссылки на предшествующие публикации автора, ставшие основой конкретных разделов текста, уточняющие и расширяющие аргументацию исследования, что

подтверждает последовательную многолетнюю работу автора над избранной темой и глубокое изучение предмета.

Диссертация Е.И. Кононенко «Архитектура "большой османской мечети": истоки, формирование, эволюция» является самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой на основании авторского исследования разработаны новые теоретические и методические положения, способствующие решению типологических, методологических, атрибуционных вопросов искусствознания, что можно квалифицировать как научное достижение. Акцентирование автором фактора политической риторики, сохраняющего определяющее значение в проектах современных культовых зданий, и убедительная демонстрация типологической преемственности памятников средневековой и современной исламской архитектуры, в том числе возводимых в Российской Федерации, обладают важным значением для проектирования зданий современных мечетей.

Цели, задачи и содержание представленной диссертации соответствуют формулировкам Паспорта специальности 17.00.04 – Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура (пп. 1–4, 6, 8, 11–13).

Рукопись диссертации соответствует формальным требованиям, предъявляемым к диссертациям, представляемым на соискание ученой степени доктора наук (п. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г., ред. от 01.10.2018 г.). Оформление диссертации соответствует ГОСТ Р 7.0.11-2011, ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Автор представленной диссертации Е.И. Кононенко заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора искусствоведения по специальности 17.00.04 — Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура.

Отзыв подготовлен доктором исторических наук И.В. Зайцевым, кандидатом искусствоведения Е.М. Карловой, кандидатом исторических наук М.В. Кулланда.

Отзыв обсужден на заседании Отдела искусства стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии Государственного музея искусства народов Востока (протокол № 4 от 27 августа 2020 г.).

Заместитель Генерального директора
Государственного музея искусства народов Востока
Доктор исторических наук (специальность 07.00.09 – Историография,
источниковедение и методы исторического исследования)

 И.В. ЗАЙЦЕВ

Зав. Отделом искусства стран Ближнего и Среднего Востока,
Южной Азии и Центральной Азии
Государственного музея искусства народов Востока
Кандидат искусствоведения (специальность 17.00.04 –
Изобразительное и декоративно-прикладное
искусство и архитектура)

 Е.М. КАРЛОВА

Заместитель Заведующего Отделом искусства стран Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии и Центральной Азии
Государственного музея искусства народов Востока
Кандидат искусствоведения (специальность 17.00.03 –
Всеобщая история)

 М.В. КУЛЛАНДА

Подпись руки Зайцева И.В.
Подпись руки Карловой Е.М.
Подпись руки Кулланда М.В.
Заверено

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное
учреждение культуры

«Государственный музей искусства народов Востока»

119019, Москва, Никитский бульвар, д.12А

тел.: (495) 691-03-41, факс: (495) 695-48-46

e-mail: info@orientmuseum.ru